

ОЛИМПИАДА ПО ЛИТЕРАТУРЕ
Школьный тур 10-11 классы.

Время выполнения – 240 минут

Выполните целостный анализ предложенного произведения. Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

С.Н.Дурылин

В богадельне

Рассказ

Было совсем тихо. За спиной далеко шумел город, шумела нестройная, огромная и непонятная жизнь, а здесь, в стенах богадельни, было тихо, как перед дождем, чирикали воробьи, купаясь в красноватом песке, которым был густо усыпан двор богадельни, где-то под крышей ворковали голуби, да изредка из-за густой зелени маленького садика, густо поросшего желтыми акациями и сиренью, доносился монотонный, незвучный, старческий шепот... Это говорили старики, жившие в богадельне.

После полуденного обеда, отдохнув часик в постелях, когда спадал жар, они медленными, неслышными шагами собирались из большого каменного корпуса в сад, и там, под кустами сирени и акаций, вели беззвучные, тихие речи о прожитой жизни, которая была где-то далеко за стенами богадельни, которая давно ушла от них, оставив их здесь больными, скучными и никому не нужными, о милых и дорогих людях, которые умерли, и о всем, что когда-то заставляло их жить, волноваться, любить и страдать, а теперь невосвратно ушло от них, оставив лишь чистые морщины на их лицах и беспомощные, старческие слезы которые часто катились из их глаз...

Старики любили иногда, собравшись около грамотея в оловянных очках, послушать запоздалые новости из прошлогодней газеты, и тогда они пускались в политику, решая мудреные вопросы, за нас «англичанка» или по-прежнему, хоть и умерла, а все делает нам всякие пакости. Старики не любили, когда в газете говорилось о школах или библиотеках, которых было мало, но, когда речь шла о новом вооружении германской армии или о том, что генерал такой-то сказал там-то несколько угрожающих слов по адресу такого-то королевства, или что мсьё такой-то выдумал такой-то непроницаемый панцирь, – они решали, долго и серьезно, сложный политический вопрос: может ли из этого выйти война или мир. Они привыкли так решать все и всегда: они были когда-то солдатами, и так прошла их жизнь, мучительная и тупая, и все они ждали смерти, конца, в стенах военной богадельни, где каждый царский день их выстраивали в общей столовой, куда приходил старичок генерал, их начальник, и разбитым, старческим голосом кричал: «С праздником, ребята!», а они отвечали такими же старческими и разбитыми голосами: «Здравия желаем, в<аще> п<ревосходительство>!»

Нередко, после чтения газеты, один из стариков вскакивал неловко и торопливо со скамьи и палкой принимался чертить на песке план какого-нибудь бастиона или траншеи, где он сидел, поджидая «турка», сидел с сотней других, которые давно уже истлели зачехлено в неведомых полях далекого Востока... И было странно видеть и слышать, как старик человек, с добрым, кротким лицом, под ясным небом с светлым солнцем, говорил о крови и войне, о сотнях убитых и тысячах раненых, об ужасе смерти, когда кругом чирикали воробьи, ворковали голуби, и было тихо, тихо... И казалось, что старик рассказывает старую, длинную, страшную сказку, и все то, о чем он говорит, – эти груды тел, и свист пуль, и кровавый призрак смерти, который рыщет дни и ночи над прекрасной страной, отыскивая новые и новые жертвы, и эта кровь, и эти стоны – все это было когда-то давно-давно, в незапамятные времена, а теперь есть только ясное небо, солнце, светлая и прекрасная жизнь, широкие зеленеющие поля и вечная, светлая правда любви и счастья... Но замолкал один старик, начинал другой, за ним – третий... – и все тянулась та же страшная сказка, и не было видно ее конца – только одни названия сменялись другими: турки – венгерцами, венгерцы – англичанами, и опять турками, а те – поляками, бухарцами, и опять, и опять турками, – и не было конца этой сказке...

А потом, утомившись и мирно прижавшись друг к другу, старики начинали тихую беседу, и опять доносился чуть слышный старческий шепот. Старик, Иван Ефимыч,

маленький и худой, улыбаясь одними деснами, смотрел на кружившихся в небе голубей, и замечал шутливо и мягко:

– Ишь вьется, божья птица... А даве как дрались, славно, герои какие... Прямо в штыки норовит...

И он вытаскивал из кармана припасенные с обеда крошки белого хлеба и сыпал их на песок, скликая голубей:

– Гуль, гуль, гуль...

Голуби слетались и, повертываясь и беспокойно шевеля головками, клевали у ног стариков крошки хлеба.

Подходил к старикам тихо и осторожно, боясь спугнуть голубей, сторож Василий, парень в высоких сапогах и <с> серебряной серьгой в левом ухе, и одобрительно покачивал головой.

– Забавляетесь, кавалеры! Погода чудесная – оно и приятно. Все ли в добром здоровье?

– Живем помаленьку, – отвечал Иван Ефимыч.

– Погода не предвидится? – продолжал Василий.

– Замирение, брат, полное? – постукивая газетой о колено, объявляет Федор Потапыч, высокий и сухой старик с большим шрамом под левым глазом...

Василий не унимался:

– А как ежели теперь, к примеру, война... Нам, дядя Федор, вряд выстоять!

– Гм! – решает сумрачный и вечно охающий старик Михеев, потерявший руку в Крымскую кампанию, – против немца не выстоять! Против турка выстояли, «англичанке» от ворот поворот, французам задали, а против немца не выстоять! Потому у него Крупп... Там, братец, пушки в каждом, почитай, селе льют... Где ж нам эдакую артиллерию собрать?

Федор Потапыч, жестикулируя, вступает за честь России:

– Выстоим! – кричит он, – Не впервой! У них артиллерия – а у нас финансы! Они нас антирелией, а ты их – финансами!

Незнакомое слово, не встречавшееся в военном обиходе, производит впечатление, и спор решается в пользу России.

И старики, увлекаясь и разгорячась, опять пускаются в длинные рассказы о битвах и турках, о сотнях, тысячах, десятках тысяч убитых, забытых и раненых...

Вот Михеев, странно шевеля щетинистыми усами, фыркая, рассказывает, как он «приколол» турку, как этот самый «турка» проклятый спрятался за ложемент взятого укрепления, как он, М<ихеев>, его заметил, и турка долго «звал» «Алу», «ихняго бога», и как он, Михеев, его «приколол» и как ему за это дело дали Георгия... Не успевает он кончить, как, перебивая его, начинает другой, жмыхов, бойкий и юркий старичонка с гнилыми зубами, и, прибавляя к каждому слову: «друг ты мой» и «землячок», рассказывает длинную историю его походов в турецкой земле, и каждое из них, к его истинному удивлению, кончалось тем, что из «турка дух вон»... А Федор Потапыч рассказал короткую историю, как он в польскую кампанию пристрелил мужика («так, невеличонка и мужик-то был, да уж больно, каналья, метко целил), а потом его семье все свои деньги и имущество походное отдал... – больно их жалко стало.

– Плачут, – объяснял он, – режут... Стон дома-то стоял, как принесли-то его, значит, мертвого-то!.. Ребята малые – известно, ничего не понимают, что, как и к чему... Воят... Враг ведь он, знаю, враг, – а жалко... Во как жалко... Кажись, крест бы с себя снял – да отдал бы... А ничего не поделаешь: служба!

А другие говорили опять о сотнях и тысячах молодых жизней, которые никогда уже не увидят солнца и не узнают на земле ни счастья, ни правды, ни даже того, зачем, ради чего все они умерли.

Василий слушал внимательно и сочувственно, голуби клевали крошки хлеба у ног стариков светило солнце, чуть слышно колыхались прозрачные тонкие ветви акации, и всё неслась старая, страшная сказка о бесчеловечной войне, об ужасной крови и смерти, и не верилось, что это не сказка, старая, забытая, а правда, что все это в самом деле было, было недавно, и эти самые старики – убивали, и не раз, а много раз, и не знают, не понимают, что они – убийцы. И становилось страшно от этой простой и недавней правды.

